

ГРЭМ
ГРИН

Путешествия с тетушкой
Комедианты

Издательство АСТ
Москва

Путешествия с тетушкой

*Посвящается Г. Г. К. — с благодарностью
за неоценимую помощь*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Впервые я познакомился с тетушкой Августой, когда мне было за пятьдесят, на похоронах моей матери. Матушка немного не дождала до восьмидесяти шести, а тетя Августа была лет на десять-двенадцать моложе. К этому времени я уже два года как оставил свою банковскую должность, получив приличную пенсию и умеренно ценный подарок. Наш банк влился в Вестминстерский банк, и филиал, где я служил, был за ненадобностью ликвидирован. Все вокруг полагали, что мне необыкновенно повезло, но я, честно говоря, не знал толком, чем себя занять. Я не был женат, привык вести уединенный образ жизни, и у меня не было никаких особых пристрастий — разве что разведение георгинов. Поэтому похороны матери внесли некоторое оживление в мое однообразное существование.

Отец мой умер сорок с лишним лет назад. Он был строительным подрядчиком и отличался какой-то патологической сонливостью: в любое время дня он мог уснуть в самом неожиданном месте. Это выводило из себя матушку, женщину весьма энергичную, и она положила себе за правило всякий раз разыскивать его и будить. Помню, в детстве я как-то зашел в ванную комнату — мы жили тогда в Хайгейте — и обнаружил отца, который спал в ванне прямо в одежде. Будучи близоруким, я подумал, что мать чистила пальто и оставила его в ванне, но вдруг услышал шепот: «Будешь выходить — запри дверь изнутри». Ему было

лень выбраться из ванны и так сильно хотелось спать, что он даже не способен был осознать всю нелепость своего требования. В Льюишеме, где он ведал строительством нового многоквартирного дома, он не раз располагался вздремнуть в кабине подъемного крана, и вся работа останавливалась, пока он спал. Матушка, хорошо переносившая высоту, не раз, бывало, взбиралась по лесам на самый верх в поисках мужа, в то время как он мог мирно спать где-нибудь в уголке подвала, предназначенного для подземного гаража. Я привык считать, что они составляли по-своему счастливую пару: взаимодополняющие роли охотника и дичи, очевидно, их вполне устраивали. Во всяком случае, у матери, с тех пор как я ее помню, была привычка держать голову чуть-чуть набок, как бы прислушиваясь, и передвигаться настороженной трусцой, на манер охотничьей собаки. Да простятся мне эти воспоминания о прошлом — на похоронах, когда время тянется мучительно медленно, они невольно приходят на ум.

На прощальной церемонии в одном из известных крематориев народу было немного; все находилось в несколько возбужденном ожидании, чего никогда не бывает у могилы на кладбище. Раскроются ли вовремя створки печи? Не застрянет ли гроб по дороге? За спиной я услышал незнакомый женский голос, который со старомодной отчетливостью произнес: «Мне уже однажды довелось присутствовать на преждевременной кремации».

Это была, как я с опозданием сообразил — я знал ее только по фотографии в семейном альбоме, — моя родная тетушка Августа. Она прибыла в числе последних, одетая так, как могла бы быть одета блаженной памяти королева Мария Стюарт, если бы она дожила до наших дней и слегка приспособилась к современной моде. Меня поразили ее ярко-рыжие волосы, уложенные высокой башней, и два крупных передних зуба, которые придавали ей здоровый неандертальский вид. Кто-то зашикал — священник уже приступил к заупокойной молитве, которую, как мне показалось, он сам сочинил. По крайней мере, я никогда не

слышал такого текста, хотя на моем счету немало похорон. Управляющий банком почитает своей обязанностью провожать в последний путь каждого старого клиента — если он не задолжал банку, — а я и вообще питаю слабость к похоронам. Тут люди предстают в своем лучшем виде — серьезные, собранные и преисполненные оптимизма по части собственного бессмертия.

Матушкины похороны прошли как по маслу. Гроб с похвальной бережливостью был освобожден от цветов и, как только нажали кнопку, плавно двинулся в заданном направлении и скрылся из виду. Потом, на улице, шурясь от солнечного света, хотя на солнце то и дело набегали тучи, я без конца пожимал руки многочисленным племянникам, племянницам и еще каким-то родственникам, с которыми не виделся много лет и даже забыл, кого как зовут. Полагалось дожидаться урны с прахом, и я остался ждать; надо мной мирно дымила крематорская печь.

— Если не ошибаюсь — Генри? — сказала тетушка, задумчиво разглядывая меня фиалково-синими глазами.

— А вы, если не ошибаюсь, тетя Августа?

— Я целую вечность не видела твою мать. Надеюсь, у нее была легкая смерть?

— Да, знаете ли, в ее возрасте... Отказало сердце — и все. Она, собственно, умерла от старости.

— От старости? Да она всего на двенадцать лет старше меня. — В голосе тетушки прозвучал укор.

Мы вдвоем прошлись по садику колумбария. Крематорский сад походит на настоящий примерно так же, как площадка для гольфа — на природный пейзаж: газоны идеально ухожены, деревья выстроены идеально ровно, как на параде. Даже урны напоминают деревянные подставки с песком, на которые кладется мяч для первого удара.

— Скажи, ты по-прежнему служишь в банке? — спросила тетушка.

— Я уже два года как на пенсии.

— На пенсии? Такой молодой человек? Чем же ты занимаешься, скажи на милость?

— Развожу георгины.

Она повернулась ко мне всем корпусом, сохраняя при этом королевское величие, словно на ней было платье с турнюром.

— Георгины?! Что сказал бы твой отец!

— Да, я знаю, он цветами не интересовался. Он считал, что всякий сад — это попусту загубленный строительный участок. Он всегда прикидывал, какой дом можно было бы соорудить на этом месте — сколько этажей, сколько спален... Он ведь очень любил поспать.

— Спальни ему были нужны не только для сна, — возразила тетушка с поразившей меня грубой откровенностью.

— Он засыпал в самых неподходящих местах. Помню, раз в ванной...

— В спальне он занимался еще кое-чем, не только спал. Ты — лучшее тому доказательство.

Я начал понимать, почему родители так редко виделись с тетей Августой. Ее темперамент вряд ли мог прийти к вкусу моей матери. Пуританкой матушка вовсе не была, но строго придерживалась правила: всему свое время. За столом полагалось говорить о еде. Иногда еще о ценах на продукты. Когда мы ходили в театр, то в антракте говорили о пьесе, которая давалась в тот вечер, или о пьесах вообще. За завтраком обсуждались новости. Если беседа отклонялась в сторону, матушка умела ловко направить ее в нужное русло. У нее всегда наготове была фраза: «Дорогой мой, сейчас не время...» А в спальне, вдруг подумал я с прямо-той, похожей на тетушкину, она, наверное, говорила о любви. Поэтому она и не могла смириться с тем, что отец засыпал когда и где попало, а с тех пор, как я стал увлекаться георгинами, она настоятельно советовала мне не думать о цветах в служебные часы.

К тому времени как мы обошли сад и вернулись, все уже было готово. Урну я заказал заранее — в строгом классическом стиле, из темного металла. Мне, конечно, хотелось бы удостовериться, что заказ выполнен точно, но нам вручили уже готовый, плотно перевязанный пакет с красными

наклейками, напоминающий красиво упакованный рождественский подарок.

— Что ты собираешься делать с урной? — спросила тетушка.

— Я хотел установить ее на небольшом постаменте у себя в саду, среди георгинов.

— Зимой это будет выглядеть довольно уныло.

— Пожалуй... Это мне как-то не приходило в голову. Что ж, на зиму можно будет вносить урну в дом.

— Таскать прах взад и вперед? Как же моя сестра упокоится в мире?

— Вы правы, я еще подумаю.

— Ты ведь не женат?

— Нет, не женат.

— И детей нет?

— Нет, разумеется.

— Значит, надо решить, кому ты сможешь завещать прах. Я все-таки вряд ли тебя переживу.

— Невозможно решать все сразу.

— Ты мог бы оставить урну в колумбарии, — сказала тетушка.

— Мне кажется, она будет неплохо смотреться на фоне георгинов, — упрямо возразил я. Весь вечер накануне я обдумывал, как соорудить простой, изящный постамент, и даже делал наброски.

— *A chacun son goût*¹, — сказала тетушка с прекрасным французским выговором, что немало меня удивило: наша родня никогда не отличалась космополитизмом.

— Ну что же, тетя Августа, — начал я, когда мы дошли до ворот крематория (я спешил домой — меня ждала работа в саду), — мы так давно с вами не виделись... — Второпях я не успел убрать под навес газонокосилку, а серые тучи, пробежавшие над головой, грозили вот-вот разразиться дождем. — И теперь я хотел бы надеяться, что вы не откажетесь как-нибудь приехать ко мне в Саутвуд на чашку чаю.

---

¹ У каждого свой вкус (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

— В данный момент я предпочла бы что-нибудь покрепче. Полезнее для нервов. Не каждый день приходится видеть, как твою собственную сестру предают огню. Как Девственницу.

— Простите, я не совсем...

— Как Жанну д'Арк.

— У меня дома есть херес, но беда в том, что я очень далеко живу, так что, может быть...

— Зато я живу недалеко, во всяком случае, в северной части города, — сказала тетушка решительным тоном, — и у меня есть все, что нам требуется.

И, не дожидаясь моего согласия, она остановила такси. Так началось первое и, пожалуй, самое памятное путешествие из тех, что мне предстояло совершить вместе с тетушкой.

Глава 2

Я не ошибся в прогнозе погоды. Полил дождь, и я целиком погрузился в мысли о брошенном саде. На мокром асфальте люди раскрыли зонтики и спешили укрыться в дверях ближайших пивных баров, магазинов и кафе. Дождь на окраине Лондона почему-то ассоциируется у меня с воскресеньем.

— Чем ты так озабочен? — спросила тетя Августа.

— Я сделал непростительную глупость — оставил газонокосилку в саду и ничем ее не укрыв.

В глазах тетушки я не прочел сочувствия.

— Забудь ты про свою газонокосилку, — сказала она. — Не странно ли, что мы с тобой встречаемся только на религиозных церемониях? В последний раз я тебя видела на твоих крестинах. Меня не пригласили, но я пришла. — Тут она усмехнулась. — Как злая фея.

— Почему же вас не пригласили?

— Я слишком много знала. Про них обоих. А ты, я помню, был какой-то чересчур тихий. В тихом омуте, между

прочим, черти водятся... Все еще водятся? Не вывелись? Только не перепутайте! — обратилась она к шоферу. — Нам нужна площадь. Не бульвар, не тупик, не переулок. Именно площадь.

— Я не знал, что вы были в ссоре с моими родителями. Ваша фотография хранилась в семейном альбоме.

— Только для проформы, — сказала тетушка и вздохнула, взметнув душистое облачко пудры. — Твоя мать была святая женщина. По-настоящему ее должны были бы похоронить во всем белом. Как Девственницу, — снова повторила она.

— Я не совсем понимаю... Какая же она девственница? Я ведь, грубо говоря, откуда-то взялся?

— Ты сын своего отца. Не матери.

Я был достаточно взволнован уже утром. Ожидание похорон действовало на меня возбуждающе, и, не будь это похороны моей матери, весь эпизод можно было бы рассматривать как развлечение на фоне моей размеренной пенсионерской жизни: я как бы снова возвращался в те дни, когда служил в банке и провожал в последний путь столь многих достойных клиентов. Но такой встряски я предвидеть не мог. Вскользь брошенная тетушкой фраза повергла меня в смятение. Говорят, лучшее лекарство от икоты — неожиданный испуг. Я убедился, что внезапный испуг может, напротив того, вызвать икоту. Икая, я попытался выразить свое недоумение.

— Я же тебе сказала: твоя названная мать была просто святая. Видишь ли, та девушка отказалась стать женой твоего отца, который жаждал — если вообще к нему применимо столь энергичное выражение — загладить свою вину и поступить, как подобает джентльмену. И тогда моя сестра покрыла ее грех и сама вышла за твоего отца — он был человек слабовольный. Потом несколько месяцев она подкладывала себе подушки — чем дальше, тем толще. И никто ничего не заподозрил. Она их даже на ночь не снимала и до того оскорбилась, когда однажды твой отец стал домогаться ее любви — после свадьбы, но еще до твоего рожде-

ния, — что и потом, когда ты благополучно появился на свет, она по инерции отказывалась признавать, выражаясь церковным языком, его супружеские права. Впрочем, не тот он был человек, чтобы их отстаивать.

Продолжая икать, я откинулся на спинку сиденья. Говорить я все равно не мог. Мне вспомнилось беспокойство матери, непрестанные поиски, погоня за отцом... Что заставляло ее взбираться по строительным лесам — ревность или опасение, что снова много месяцев она должна будет ходить обремененная подушками?

— Нет-нет, вы не туда едете. Это бульвар, а нам надо площадь, — сказала тетушка шоферу.

— Так, значит, налево, мэм?

— Нет, направо. Налево тупик. Ты не должен воспринимать это так трагически, Генри, — продолжила она, обращаясь ко мне. — Моя сестра, твоя приемная мать — условимся называть ее так, — была человек в высшей степени благородный.

— А мой — ик — отец?

— Слегка кобель, как большинство мужчин. Может быть, это лучшее, что в них есть. Надеюсь, и в тебе имеется частичка этого качества.

— Не ду — ик — не думаю.

— Со временем проявится. Не зря же ты сын своего отца. Между прочим, верное средство от икоты — выпить воды с дальнего края стакана. Стакан можно изобразить рукой, воду наливать не обязательно.

Я сделал медленный глубокий вдох и спросил:

— Тетя Августа, а кто была моя мать?

Но тетушка уже отвлеклась от предмета нашего разговора и препиралась с шофером:

— Вы опять не туда заехали. Это тупик.

— Но вы ведь сказали «направо», мэм.

— Тогда прошу прощения. Я вечно путаю право и лево. Вот на море я ориентируюсь хорошо. Левый борт я всегда отличаю по цвету: там, где красный, там лево. Вам надо было взять лево на борт, а не право на борт.

— Что я вам, лоцман, мэм?

— Ничего страшного. Возвращайтесь туда, откуда свернули, и начнем сначала. Всю вину я беру на себя.

Наконец мы остановились перед каким-то рестораном или баром.

— Если вам в «Корону и якорь», надо было так и сказать, — пробурчал шофер.

— Генри, перестань икать хоть на минуту, — сказала тетушка.

— Ик, — только и мог вымолвить я в ответ.

— На счетчике шесть шиллингов шесть пенсов, — сообщил шофер.

— Округлим до семи, — сказала тетушка. — Генри, пока мы не вошли в дом, я хочу тебя предупредить: меня во всем белом хоронить неуместно.

— Но ведь вы не были замужем, — скороговоркой выпалил я, стараясь опередить икоту.

— На протяжении последних шестидесяти с лишним лет у меня всегда был друг, — сказала тетушка и затем, очевидно заметив мой недоумевающий взгляд, добавила: — Возраст, Генри, не убивает чувств — он их лишь несколько видоизменяет.

Но даже этого предупреждения оказалось недостаточно: я не был готов к тому, что мне предстояло увидеть. Служба в банке приучила меня не выказывать удивления — даже когда клиент запрашивал ссуду, значительно превышающую его кредит. Я положил себе за правило не задавать вопросов и не слушать никаких объяснений. Клиенту либо давали ссуду, руководствуясь его платежеспособностью, либо отказывали. Может быть, читатель укорит меня за некоторую негибкость характера, но тут следует принять во внимание, что в течение долгих лет, вплоть до ухода на пенсию, сам род моих занятий держал меня в жестких рамках. А для тетушки, как мне вскоре довелось убедиться, никаких рамок не существовало никогда, и объяснять больше того, что она объяснила, она почитала излишним.